

— И у тебя еще оставалось время рисовать?

На лице Кан Яня расплылась радостная улыбка:

— Дядя сказал, я могу брать с собой мольберт, каждый день я рисовал по два часа.

Учитель Цзинь не знал, что и сказать. Другой подросток на его месте, отправившись в путешествие, давно бы забыл обо всем, только развлекался. Кто бы еще думал о рисовании? Разве что Кан Янь. Не пропустив в глазах Кан Яня напряжение и ожидание, учитель Цзинь перестал болтать и начал по очереди разбирать и объяснять работы, написанные Кан Янем за это время.

— ... В использовании цвета ты очень смел, есть собственное видение. Прогресс быстрый, прежняя некоторая неуклюжесть и скованность в мазках теперь стали намного свободнее. Очень большой прогресс. — Учитель Цзинь подошел к последней картине, на мольберте лежала белая ткань, он протянул руку, чтобы снять ее.

— У-учитель, можно не разбирать эту? — тревожно спросил Кан Янь, боясь, что учитель рассердится, и пояснил, — Это подарок дяде, я еще не закончил, хочу сохранить интригу.

Учитель Цзинь убрал руку, не придав этому значения, кивнул:

— Как хочешь. Ладно, сегодня на уроке начнем разбирать передачу движения персонажей...

Время летело быстро, не успели оглянуться, как наступил конец марта.

Кан Янь метался между курсами дополнительной подготовки и занятиями рисованием. В общеобразовательных предметах у него по-прежнему не было особой искры, но он всегда занимался очень усердно, труд компенсировал нехватку способностей. Особенно сейчас, когда он перешел на гуманитарное направление, там много чего нужно запоминать. Сложные задачи по-прежнему ставили его в тупик, но за базовые баллы он уже был вполне уверен.

— Вау, Канкан, ты просто супер! — Гао Мэнмэн, увидев результаты теста Кан Яня, восхищенно воскликнула и радостно сказала, — Учитель сказал, что этот тест официальный, уровень сложности примерно как на прошлогоднем гаокао. Ты набрал 430 баллов! До гаокао осталось чуть больше двух месяцев, немного поднажмешь, и мы сможем стать однокурсниками.

Кан Янь кивнул, в глазах не скрывалась радость.

Гао Мэнмэн набрала на этом тесте 400. Раньше у нее была слабая база, отношение к учебе несерьезное, но голова светлая, действительно умная. После того как на прошлом тесте она провалилась, сама попросила родителей нанять репетитора. Во время праздников дома почти не рисовала, только подтягивала общеобразовательные предметы. После праздников на курсах тоже слушала внимательно, не отвлекалась. Всего за полтора месяца она почти догнала Кан Яня.

— Кстати, как подготовка к специальности продвигается?

— Учитель Цзинь говорит, что неплохо, должно получиться, — скромно ответил Кан Янь.

На самом деле учитель Цзинь сказал, что если Кан Янь не сдаст вступительные по специальности, то он, учитель, сорвет себе всю репутацию.

Другие ученики в классе, занимающиеся рисованием, все это время слушали разговор Кан Яня и Гао Мэнмэн. Услышав оценки Кан Яня по общеобразовательным предметам, они ему немного завидовали. А теперь, узнав, что Кан Янь тоже собирается поступать в Центральную академию художеств и будет с ними конкурировать, в них разыгралась ревность.

— Какое нахальство! Без базы учился всего ничего и уже смеет говорить, что будет поступать в Центральную академию художеств?

— Да, Кан Янь, советую тебе поскорее отказаться от этой идеи. В других местах есть хорошие художественные вузы, необязательно именно в Центральную академию художеств.

— Сколько тех, кто профессионально учился рисованию, не поступили! А ты сколько всего занимаешься?

Кан Янь почувствовал, что тон у двух однокурсников недружелюбный, но все равно вежливо ответил:

— Я начал учиться за месяц до праздников, сейчас прошло уже больше трех месяцев.

Услышав это, те двое рассмеялись, сказали, что Кан Янь строит воздушные замки.

— С ума сойти, как же вас разъедает зависть! Завидуете, что у Канкана высокие баллы, так и скажите прямо. Вы же даже не видели работы Канкана, откуда вы знаете, что у него не получится по специальности? — возмутилась Гао Мэнмэн.

— Он же всего несколько дней учится! Мы ему завидуем?

— Ага, если есть способности, покажи нам, давай посмотрим. Смешно просто. Гао Мэнмэн, ты так защищаешь Кан Яня, ты что, в него влюблена?

Гао Мэнмэн прямо и открыто заявила:

— Канкан такой красивый, конечно, нравится. Мы с ним корешки.

Эти двое, получив отпор от Гао Мэнмэн, разозлились. Увидев, что Кан Янь стоит в стороне, мягкий и безвольный, как тыква, один из них с издевкой посмотрел на Кан Яня и сказал:

— Красивый? Гао Мэнмэн, у тебя что, со зрением проблемы? Женоподобный, не понимаю, зачем ты его так защищаешь.

— Точно, большой мужчина, а прячется за спиной женщины. Кан Янь, ты вообще мужик?

— Что вы говорите! — Гао Мэнмэн просто выходила из себя.

Кан Янь в жизни немало слышал подобных слов, они сопровождали его взросление. Он никого не обижал, ничего плохого не делал, но если кому-то что-то не нравилось, они нападали на его внешность. Слишком много он этого слышал, привык терпеть. Но сейчас эти слова резали слух. Кан Янь, его глаза, ясно разделенные черным и белым, уставились на двух насмехающихся однокурсников:

— Давайте посоревнуемся.

— Ч-что?

— Давайте устроим соревнование по специальности, по рисунку. Если проиграете — извинитесь передо мной.

Два однокурсника переглянулись, один сказал:

— Подумай хорошенько. Не говори потом, что мы тебя обижаем. Я начал учиться рисованию в шестом классе начальной школы, он — в средней школе. А ты сколько всего занимаешься? Мы с тобой соревноваться — нечестно.

— Бойтесь проиграть? — спросил Кан Янь.

Эти двое изначально просто хотели выплеснуть эмоции после плохой сдачи теста, не планировали по-настоящему задирать Кан Яня. Но после того как Гао Мэнмэн все это время их защищала, и теперь Кан Янь их поддел, в восемнадцать лет, в пылу юношеского задора, сдаваться было невыносимо, и они сразу согласились.

— Ладно, только потом не плачь, когда проиграешь.

— Если мы выиграем, Кан Янь, тебе придется надеть женскую одежду.

— Ха-ха, отличная идея.

Вскоре пари было заключено. Гао Мэнмэн рядом волновалась, но не стала отговаривать. Если бы она стала уговаривать, как потом Канкан будет общаться в классе? На него бы смотрели свысока, нельзя быть тряпкой. Но чтобы те двое не схитрили, она сказала:

— Вот что, я попрошу своего преподавателя выступить судьей. Она преподаватель Центральной академии художеств. Как насчет устроить в это воскресенье днем?

— Подходит, — кивнул Кан Янь.

Остальные двое тоже не колебались. Они учились рисованию дольше Кан Яня. Даже если Гао Мэнмэн захочет покровительствовать, результаты все равно на холсте, не боятся, что Гао Мэнмэн будет тянуть за уши.

После школы по дороге домой Кан Янь рассказал об этом Сяо Лю в машине.

Первая реакция Сяо Лю была:

— Обалдеть, Канкан! Надо проучить этих двух пацанов, дать по зубам.

Кан Янь на самом деле немного нервничал, он не знал, каков уровень специальной подготовки у этих двоих. Сяо Лю взглянул на него:

— Ты передумал?

— Нет, не передумал, — твердо сказал Кан Янь.

Сяо Лю радостно оскалился белыми зубами:

— Вот это по-нашему! Как бы то ни было, мужская честь не должна страдать. Надо их просто взять и навалить.

Кан Янь тоже улыбнулся. Раз уж не жалеешь о сказанном, нечего и думать о другом.

Вернувшись домой, он обнаружил, что дядя Дуань еще не приехал. Кан Янь, как и Сяо Лю, не умел скрывать переживания, тем более от дяди Дуаня — у него от дяди не было секретов. Немного позанимавшись в студии, он не мог сосредоточиться. Взглянул на часы — уже половина седьмого, быстро встал и побежал во двор.

— Босс, это Канкан, — сказал Лао Кай с пассажирского сиденья, заметив его.

Дуань Цифэн с заднего сиденья перевел взгляд с документов и действительно увидел у ворот дома ребенка, стоящего и с тоской смотрящего на его машину. Выражение лица Дуань Цифэна смягчилось, он закрыл папку с документами. Теперь, зная, что днем ребенок будет его ждать, он предпочитал брать работу домой, каждый день вовремя заканчивал дела и возвращался, чтобы поужинать и поболтать с ребенком.

— Остановите машину.

Водитель остановился. Дуань Цифэн вышел, велел Лао Каю и остальным сначала идти внутрь. Не успел договорить, как увидел, что ребенок подбежал. На лице Дуань Цифэна появилась улыбка, он одной рукой обнял Кан Яня:

— Что случилось сегодня?

— Дядя, я понесу вашу папку, — сейчас Кан Янь уже немного стеснялся говорить. Протянул руку, чтобы помочь дяде Дуаню нести портфель.

Дуань Цифэн понял, что у Кан Яня что-то на уме, не отказался и передал ему портфель, медленно пошел с ним обратно. Метров десять Кан Янь с мукой на лице раздумывал, подойдя к дому, так и не проронил ни слова. Дуань Цифэн протянул руку и ущипнул ребенка за щеку, ощущение было мягким. Кан Янь посмотрел на него, в глазах вопрос:

— Дядя?

— И все еще не скажешь?

Ребенок не умеет скрывать свои переживания. Подумал Дуань Цифэн.

Кан Янь сухо произнес:

— Дядя, я еще не решил. Если проиграю, вы будете за меня переживать. — Но под взглядом дяди Дуаня Кан Янь, казалось, потерял контроль над своим ртом и все же рассказал о соревновании с однокурсниками на курсах днем.

— Это ты предложил? — в глазах Дуань Цифэна читалось удивление.

Кан Янь кивнул. Дуань Цифэн рассмеялся, обнял ребенка за плечи и с одобрением сказал:

— Яньянь взрослеет.

— А?

Дуань Цифэн вспомнил, как на восемнадцатилетие Кан Янь, увидев в зеркале себя в аккуратной одежде, сказал, что стал на себя непохож. Тогда Дуань Цифэн подумал: еще рано. Он хотел, чтобы утраченные за годы невзгод острые когти Кан Яня вновь отросли, хотел, чтобы Кан Янь жил гордо и свободно, а недостаток беззаботного счастья в детстве он, Дуань Цифэн, постарается восполнить всеми силами.

То, чего Кан Янь был лишен до семнадцати лет, даст ему Дуань Цифэн.

— Дядя — твой тыл. Делай что хочешь, не бойся, — сказал Дуань Цифэн, глядя ребенка по голове.

<http://bllate.org/book/15594/1390503>